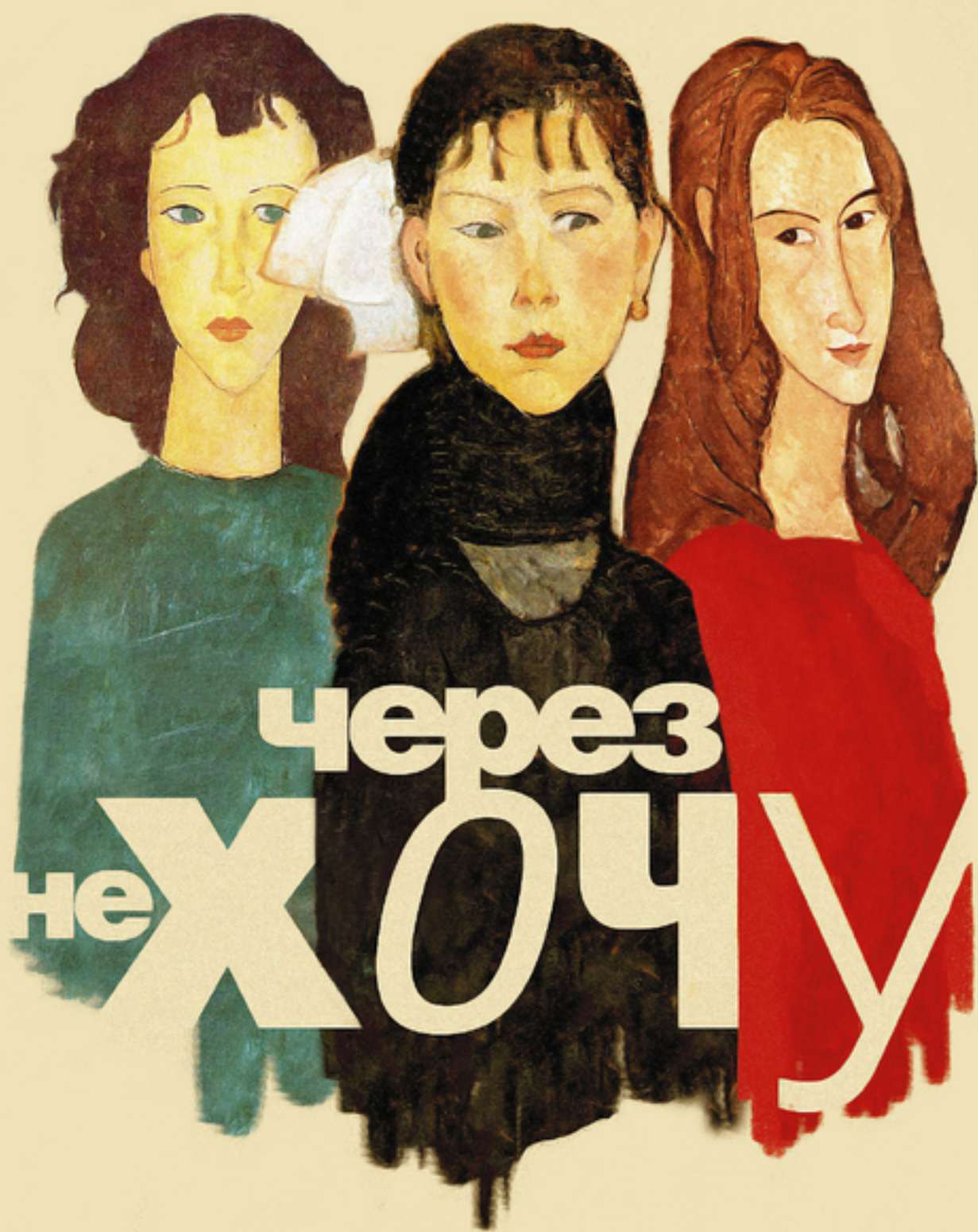

елена КОЛИНА

Семейная сага

Елена Колина

Через не хочу

«Елена Колина»

2014

Колина Е.

Через не хочу / Е. Колина — «Елена Колина»,
2014 — (Семейная сага)

ISBN 978-5-17-088945-7

Всё перемешано – и смех, и слёзы, и любовь. Дети взрослеют и начинают жить своей жизнью, а их родители... тоже начинают жить своей жизнью. Сколько тайн им предстоит узнать: о себе и друг о друге? Елена Колина, лучший писатель среди психологов и лучший психолог среди писателей. Её романы «Предпоследняя правда», «Через не хочу» и «Про что кино?» образуют захватывающий триптих о том, что происходит с людьми, с семьями, со страной – когда они перерастают самих себя.

ISBN 978-5-17-088945-7

© Колина Е., 2014
© Елена Колина, 2014

Содержание

Август – Сентябрь	7
Красивые – это другие люди	7
Дневник Тани	15
Дневник Тани	24
Ноябрь	27
Три сестры	27
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Елена Колина

Через не хочу

Я полагал, что задача литературы – запечатлеть уходящее время.

Но мое собственное время текло между пальцев.

И. Башевис Зингер

«Золотая молодежь» – нарицательное название молодых людей, чью жизнь и будущее в основном устроили их влиятельные или высокопоставленные родители, из-за чего она стала легкой и беззаботной, а сами они стали ее прожигателями.

Википедия

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Е. Колина, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Эта история произошла в стране, где «прелюбодеяние и посещение кинотеатров суть единственные формы частного предпринимательства»¹. Персонажи прописаны в реальном, известном своей красотой и высокой стоимостью квартир Толстовском доме, но их личная жизнь придумана. Некоторые персонажи занимают конкретные должности, но лишь потому, что директором киностудии в городе на Неве может быть только *директор Ленфильма*, а секретарь райкома не может быть секретарем *вообще райкома*. Реальные люди, мелькающие среди персонажей, упомянуты исключительно в контексте личного опыта автора, – автор и сам удивился, когда писал эту книгу: оказывается, все со всеми вместе учились или вместе учили детей, виделись на детских днях рождения, подписывали друг у друга документы. Иногда встречаются мелкие хронологические неточности, необходимые для романного действия... Кажется, все. В общем, все совпадения случайны, все персонажи вымышленные.

* * *

От кого: Lev Reznik <reznik@gmail.com>

Кому: Татьяна Кутельман <kutelman@mail.ru>

21 декабря 2012, 16:47

Мышь бессмысленная!

Вчера я вернулся из Москвы, где я заболел, с таким отвращением ко всей этой праздности, роскоши, к нечестно приобретенным и мужчинами и женщинами средствам, к этому разврату, проникшему во все слои общества, к этой нетвердости общественных правил, что решил никогда не ездить в Москву.

От кого: Татьяна Кутельман <kutelman@mail.ru>

¹ И. Бродский.

Кому: Lev Reznik <reznik@gmail.com>
21 декабря 2012, 20:55

Левка! Ты был в Москве-е?! И мне не сказа-ал?! Почему??? Секретики – от МЕНЯ?

От кого: Lev Reznik <reznik@gmail.com>
Кому: Татьяна Кутельман <kutelman@mail.ru>
21 декабря 2012, 17:01

...Я не был в Москве, ты, филолог хренов! Это Толстой, Лев Николаевич. А я не уезжал из Лондона.

Вот еще Л. Н.: «С седой бородой, 6-ю детьми, с сознанием полезной и трудовой жизни, с твердой уверенностью, что не могу быть виновным, с презрением, которого я не могу не иметь к судам новым, сколько я их видел, с одним желанием, чтобы меня оставили в покое, как я всех оставляю в покое, невыносимо жить в России, с страхом, что каждый мальчик, кот[орому] лицо мое не понравится, может заставить меня сидеть на лавке перед судом, а потом в остроге... Если я не умру от злости и тоски в остроге, куда они, вероятно, посадят меня (я убедился, что они ненавидят меня), я решился переехать в Англию навсегда или до того времени, пока свобода и достоинство каждого человека не будет у нас обеспечено».

Ну, Мышь, какова связь времен? Круто?

От кого: Татьяна Кутельман <kutelman@mail.ru>
Кому: Lev Reznik <reznik@gmail.com>
27 декабря 2012, 22:16

Встречалась с Жестким Продюсером, хотела показать синопсис.

Но не тут-то было! ЖЭПэ не читает синопсисы, он читает логлайн, – про что кино. Голливудский стандарт 25 слов. Я сказала 9 слов, предлоги не считаются: три подруги, у одной роман с женатым, у другой развод, третья в поиске.

– Все хорошо, покажешь мне первую серию, добавь какую-то интересную мелочь, к примеру, труп.

– Труп?

– Модный тренд – это драма с элементами ситкома, с детективной линией и психологической составляющей, а не тупой женский сериал. Хочешь быть в тренде, добавь труп.

Я хочу быть в тренде. Я на труп возлагаю большие надежды.

От кого: Lev Reznik <reznik@gmail.com>
Кому: Татьяна Кутельман <kutelman@mail.ru>
29 декабря 2012, 18:01

Деньги на Аришу...

Август – Сентябрь

Красивые – это другие люди

Начнем с Фиры.

Почему с Фиры? Нет никаких особенных причин начать с Фиры, кроме той, что ее все любят, ее все *любят больше*.

Фира была счастлива с 01.09.1981 по 01.09.1982. Затем начались Фирины Муки. Муки разделялись на несколько разных мучений. Мучение № 1, первое по времени, было до неловкости «как у всех», Мучение № 3 было изумительно оригинальным, и каждое мучение было *самым* болезненным: одно от неотвратимости и невозможности хоть что-то предпринять, другое, напротив, оттого, что, казалось, можно легко вмешаться, поправить. Пойми, Фира, что это Муки, Наказание, Послушание, она сообразила бы, как быть, – ее экзистенция должна выйти в трансцендентное. Иначе говоря, уткнувшись в ошеломляюще обидную надпись «Вход воспрещен. Именно тебе», нужно закрыть голову руками, сгруппироваться и правильно упасть. Фира не поняла, что это Муки, и упала *неправильно*. Метафизическое мышление было ей не свойственно, она не согласилась бы даже с тем, что абсолютно свободна в своих действиях и страдает только потому, что хочет этого. «Как это я хочу страдать?! Я как раз не хочу страдать! Я просто хочу, чтобы все было как я хочу!» – сказала бы Фира, не заметив, что повторила «хочу» четыре раза подряд. Она принадлежала к тому типу людей, которым кажется, что легче смириться с собственным страданием, чем принять несовершенство окружающего мира, на самом же деле это чистое лукавство, они не собираются смиряться ни с чем: и мир должен быть таким, каким Фира желала его видеть, и страдать она не хотела. Поначалу ощущала некоторую обескураженность, вела себя как человек, с которым на глазах у людей приключилась какая-то неожиданная дрянь, как было, когда примчалась в школу без юбки, скинула пальто в учительской, – сверху блузка, снизу комбинация, кружево по подолу болтается, – и успела засмеяться первой, хитрила, пытаясь сохранить хорошую мину при плохой игре. Когда на смену Мучению № 2 пришло Мучение № 3, она так себя и чувствовала, будто без юбки, стеснительно и жалко, но было уже не до того, чтобы пытаться сохранить остатки самоуважения. Фирино состояние лишь в лучшем случае можно было бы охарактеризовать как обескураженность, в худшем она была грандиозно несчастна. И если бы кто-то взялся написать «Портрет Фириной души» того времени, это были бы на весь холст одни глаза, вытарашенные глаза, смотрящие на мир с изумлением – неужели может быть так больно?..

31 августа

31 августа Резники и Кутельманы отмечали начало учебного года, одни, без чужих, – девочки, Фира и Фаина с мужьями и как бы общими детьми. Не то чтобы Резники и Кутельманы позабыли, кто чей ребенок, но Фира и Фаина, выросшие в соседних комнатах коммуналки в Толстовском доме, были друг у друга всегда, и их дети, Лева и Таня, были друг у друга всегда. Первоклассником Лева Резник, разворачивая перед учительницей свою семейную экспозицию, сказал «у меня есть Таня, она мне как брат», и учительница умилилась, Таня, повторившая за ним эту трогательную фразу «у меня есть Лева, он мне как сестра», желаемого эффекта не достигла, никто не умилился. Лева был хорошенький, как фарфоровый пастушок, а Таня – долговязая некрасивая девочка в свисающих колготках.

Дружба Фиры с Фаиной не измерялась годами, но семейная дружба Резников и Кутельманов годами вполне измерялась, – столько же, сколько девочки были замужем, около двадцати лет, и за все годы Фира ни разу не разрешила Кутельманам пригласить кого-то из их

личных друзей на «семейный праздник». Семейными праздниками ею были объявлены все дни рождения и Новый год, а с тех пор как дети пошли в школу, она, оберегая свое право на единоличное владение Кутельманами, добавила к интимно-семейным мероприятиям и первое сентября. Здесь Фира была отчасти права, она как школьный учитель и Кутельман как заведующий кафедрой меряли жизнь учебными, а не календарными годами, и для них и для детей первое сентября было «как Новый год».

Кое-какие вольности Фира, конечно, скрепя сердце Кутельманам позволила: защита Кутельманом докторской диссертации, назначение его заведующим кафедрой, издание учебника праздновались не в узком семейном кругу, а «с чужими». Илья Резник, лстыиво заглядывая в глаза жене, захлебываясь подхалимским восторгом, припевал: «Господин Людоед, вы самый добрый, самый справедливый тиран». В Илье пропал актер. В Илье пропал актер, в Фире пропал генерал, в Кутельманах же ничего не пропало: Эммануил Давидович – ученый с международным именем, Фаина – кандидат наук. Илья называл Кутельманов «семья заведующих»: Эммануил Давидович – заведующий кафедрой на матмехе университета, Фаина – заведующая лабораторией.

А в Фириной жизни больше не было слова «диссертация», не было «Илюшка, где диссертация, Илюшка, когда ты начнешь, Илюшка, ты должен к чему-то стремиться, Илюшка, Илюшка...» Фира окончательно смирилась с тем, что хоть Эмка как научный руководитель сделал все, что мог, Илья никогда не станет кандидатом наук. Кутельманы считают Илью немного подкаблучником, но он только на первый взгляд подкаблучник, действительно, не было случая, чтобы он не выполнил Фириных решений, но *мелких* решений, а главного ее решения – правильно жить – он не выполнил. Лень, неспособность идти к цели, лежание у телевизора вместо диссертации – по сути, это было предательство, подножка, которую Илья подставил ей на правильном жизненном пути. Она жертвовала, трудилась, надеялась, ждала, а он?! Последние годы Илья на ее приставания с диссертацией говорил: «Да напишу я твою диссертацию, только прекрати меня дрессировать!» – и в этом «дрессировать» была доля правды, Фира была уверена, что если заниматься со своим питомцем, сочетая ласку и таску, – а что есть педагогика, как не это, – то настанет момент, когда Илья выполнит требуемый трюк. У Фиры половина брака ушла на то, чтобы понять, что ее муж, при внешней мужественности, человек зыбкий, по-женски уклончивый, что с ним как будто в трамвае спрашиваешь «ты выходишь», он отвечает «да» и продвигается на переднюю площадку, а через три остановки обнаруживаешь его сидящим и невозмутимо читающим газету и кричишь «ка-ак, ты же сказал...» – привыкла. Впрочем, почему Илья был *по-женски* уклончивый, вот Фира – совсем не уклончивая, напротив.

Праздновали одни, без чужих, – и всегда у Резников, в коммуналке, в комнате, разделенной перегородками на три пенала – прихожую, спальню и гостиную. Почему не в шести-комнатной квартире Кутельманов, ведь Фире нужно было только пересечь двор Толстовского дома, войти в подъезд напротив? Нет. Фира ревностно следила, чтобы все главные события происходили у нее. Но в этот раз она решила иначе, для всего, что она придумала, больше подойдет шестикомнатная квартира Кутельманов.

Всех закурила предосенняя рабочая суета, у Кутельмана защищались аспиранты, в лаборатории Фаины запускали новую установку, она недоумевала – дети взрослые, зачем праздновать, Илья хлопотал по поводу очередного юбилея в своем НИИ, подбирал музыку, сочинял поздравительную речь, а вечером делал «свое фирменное уставшее лицо». У Фиры в школе тоже кое-что было: ремонт туалетов на втором этаже, составление расписания, для завуча начало учебного года – горячее время, но это было не важно, не имело значения. Она готовилась к празднику тщательно, радостно, и одна. В ее радостный хоровод был вовлечен только Кутельман.

За два дня до первого сентября Кутельман позвонил Фире с кафедрального телефона:

– Фирка! В моем кабинете ученые из Кембриджа, а нам на кафедру принесли продуктовые наборы.

– И что?..

– Англичан держат в моем кабинете, чтобы они не увидели, что у нас выдают продуктовые наборы... – объяснил Кутельман.

– Ты поэтому шепчешь, как шпион?

– Да. Я хотел посоветоваться. Дело неприятное, – почти засунув трубку в рот, прошипел Кутельман. – Понимаешь, у меня одного кролик, так неловко... У аспирантов тушенка, у доцентов сосиски, а у меня кролик...

Фира насторожилась – кролик, тушенный в сметане, неплохо...

– Так я хотел спросить. Как разделить кролика на всех?.. Он же мороженный... Я думал, ты знаешь...

– Эмка! Не вздумай делить кролика! Ты его честно заработал!..

– Но там еще банка горошка, и апельсины, и...

– Я что, из апельсинов буду горячее делать?..

Кутельман вздохнул, но спорить с Фирой не посмел, и кролик, выданный ему как профессор и завкафедрой, прибыл к Фире вместе с банкой горошка, десятью апельсинами, палкой полукопченой колбасы, баночкой майонеза и пачкой вафель.

Фира не поленилась съездить за город, привезла огромный букет – ветки рябины, ветки клена, а Кутельману доверила поставить ветки в ведро, засыпать песком и обложить камнями, смотрела, как он старается, и приговаривала: «Ты, Эмка, безрукий». Эмка действительно безрукий, такой учинил беспорядок и так извел Фаину – принеси, поддержи, – что она обозвала его «дядюшкой Патриком». И подумала: категорически неприспособленный к хозяйству Эмка в Фириных руках стал бы другим, *приспособленным*. Фира так весело-требовательна в быту, что перед Ильей всегда мысленно маячит ее шуточно-всерьез сжатый кулак – попробуй только не сделай!

31-го августа Илья под Фириным присмотром перенес к Кутельманам кастрюли с салатами, противень с наполеоном, отщипнув по дороге кусочек слоеного теста, и – гордо – латку с тушеным кроликом. Сама Фира весь день сновала через двор, от своего подъезда к Фаинину, с пакетами, пакетиками и свертками. Про все свои пакеты-мешочки Фира таинственно сказала «сюрприз» и в одну из шести кутельмановских комнат велела не заглядывать.

...Сюрприз у Фиры получился, настоящий «новогодний» сюрприз!

Открывала Фирину программу «летка-енка», Фира прыгала первая, громко пела «там, там, там-парам-пам-пам», вела цепочку, останавливаясь возле каждой двери и спрашивая с интонацией Снегурочки: «Сюда? Нет, не сюда!», за ней остальные, Фаина без улыбки, за ней Лева, Таня, потом Илья, дальше всех выбрасывая длинные джинсовые ноги, а замыкал цепочку Кутельман. Все, кроме Фиры, чувствовали неловкость, взрослые, притворяясь, что им весело, ради детей, дети – для взрослых, но вскоре включились, пропрыгали по длинному коридору. Кутельман прыгал со всеми и думал: «Нужно было встать за Фирой, смотреть, как дрожит на ее шее синяя жилка, только она умеет смеяться, так высоко закидывая голову, как ребенок, вздох, только она умеет так ярко наслаждаться жизнью, отчего же ей дано так мало?..» Фира оглянулась, и он поймал ее направленный на Леву влюбленный взгляд, следящий, хорошо ли ему, празднично ли ему, доволен ли он... – и подумал: «Лева. Все, что она делает, она делает для Левы – все эти огни, гирлянды, песни-пляски, все для Левы».

У двери в гостиную Фира резко остановилась, Кутельман уткнулся Илье в лопатки – он все время забывал, какой Илья высокий.

По Фириной команде «раз-два-три-пуск!» вошли в гостиную, обычно скучную, тусклую, ни одной личной ноты, ни картинки, ни вазочки, ни фотографии, – и обомлели.

– Фирка, ну зачем ты...

- Ну, Фирка, ты даешь!
- Тетя Фира, как красиво...
- Мама, как в Новый год...
- И Фира засветилась от счастья.

Комната мерцала, мигала гирляндами. На стене лист ватмана, на нем красным фломастером «Наши любимые дети», и фотографии: первоклассники Лева с гладиолусами и Таня, испуганная, с астрами, второй класс, третий... девятый.

Под ведром с ветками, как под елкой, гора подарков, не по одному каждому, не меньше десяти завернутых в газету свертков, а то и больше.

Леве джинсовую рубашку, Тане тонкий черный свитер, Фаине помаду, Леве нейлоновую сумку для поездок на олимпиады, Тане красную сумочку на длинном ремешке, Фаине зонтик, Илье ремень, Кутельману ремень, Илье галстук, Кутельману галстук... Дети и Илья специально долго шуршали, разворачивая газетные обертки, рассматривали подарки.

- Фирка, а тебе что?.. – спросила Фаина.

Фира, сияя, отмахнулась:

- У меня все есть! И помада, и зонтик.

Кутельман вздохнул – у нее все есть, и помада, и зонтик, и долги. Фира брала учеников, кроила-выкраивала из учительской зарплаты, каждый месяц отдавала ему долг за машину Ильи. Это было мучительно, брать было нельзя и не брать было нельзя. Отдать ей деньги за эти «новогодние подарки» нельзя – все нельзя! Вспыхнет, закричит: «Ты что?! Разве я бедная?!» Когда люди такие близкие, а материальное положение такое разное, нужно быть особенно осторожным. Фирка – гордый человек, иногда не по-хорошему гордый, болезненно самолюбивый, обидится – не простит. Зато никто не умеет быть таким счастливым. Ему повезло. Чувствовать, как от Фириных команд в нем бегают волнительные мурашки, быть рядом с Фирой, когда она так особенно, как брызги шампанского, счастлива.

Кутельман был уверен, что существует биохимическое объяснение способности быть счастливым, не открытый еще ген, отвечающий за процесс транспортировки определенного гормона от нейрона к нейрону, иначе почему у Фиры – коммуналка, долги, Илья, – счастье выплескивается через край, а Фаине не хватает и бесконечности?

...А кролик оказался так себе, жестковат. Фирин салат оливье, Фирина фаршированная рыба «как мама делала», Фирин холодец, Фирин пирог с капустой...

Затем играли в фанты. Лева и Таня читали стихи, Кутельман от своего фанта «станцевать» отказался, и Илья за него выдал бешеный твист, Фаине выпало петь, она улыбалась, отказываясь, а Фира, расшалившись, пропела куплет из песни их общего с Фаиной детства:

*Цилиндром на солнце сверкая,
надев самый модный стюртук,
по Летнему саду гуляя,
с Маруськой я встретился вдруг.*

*Гулял я с ней четыре года,
на пятый я ей изменил,
однажды в сырую погоду
я зуб коренной простудил...*

– Фирка, перестань, это же пошлость, – сказала Фаина, но Фира, постанывая от смеха, пропела всю историю о том, как незадачливый любовник отправился к врачу:

Врач грубо схватил меня за горло,

*завел мои руки назад,
четыре здоровые зуба
он выдернул с корнем подряд...*

И допевали они вдвоем, Фаина со строгим лицом, а Фира, давась смехом:

*В тазу лежат четыре зуба,
а я как безумный рыдал,
а женищина-врач хохотала «ха-ха-ха»,
я голос Маруськин узнал...*

*Тебя безумно я любила,
а ты изменил мне, пала-ач,
так вот же тебе отомстила,
бездельник и подлый трепач...*

– Шилиндром на шолнце шверкая, по Летнем саду иду-у, – поглядывая на Леву, шепелявила Фира. Смеется ли он, хорошо ли ему, доволен ли тем, какая у него мама.

Фира была счастлива, в общем и по пунктам. Изредка всплывавшие слухи о том, что Лева Резник с номенклатурной дочкой Аленой сожгли школу, были очевидной ложью, школа стояла на месте. Страшная история с пожаром, в котором едва не сгорело Левино будущее, почти забылась, и хотя Фира исчисляла время так – «Допожара» и «Послепожара», было очевидно – все, пронесло! «Послепожара» ей не быть директором школы, ну и что?! Главное, что теперь никакая сила не отнимет у Левы его Великое Будущее, он учится в лучшей в стране физматшколе, учится прекрасно, он, он... ЛЕВА.

Никто не считает себя лучше других вследствие неправильного воспитания или осознанного решения. Так же и способность ощущать себя «как все», как неисчислимые массы людей, не приобретается и не внушается, это встроенный в психику механизм, как встроено записывающее устройство в видеомагнитофон «Электроника ВМ 12», который Илья выпросил у Фиры – добыл-купил-гордился. Надо сказать, что Фира новую игрушку Ильи оценила, теперь после воскресного обеда с Кутельманами они смотрели кино, посмотрели «Апокалипсис», «Крестный отец», «Однажды в Америке», а «Эммануэль» посмотрели вдвоем с Ильей, когда Лева спал, смотрели и боялись, что Лева проснется и зачем-нибудь войдет в комнату, а у них на экране – такое. «Эммануэль», кстати, произвела на Илью мгновенное действие, как пурген, а Фиру эротика на экране скорее раздражала, ей больше нравилось быть с Ильей только вдвоем, без кассеты, и чтобы он шептал ей, как он ее любит, а не глазел на чужую тетку на экране, которая бесспорно моложе, стройней и красивей ее. Фира и в этом была как все.

Механизм «я как все» у Фиры работал бесперебойно – при ее удивительной, яркой цыганской красоте никогда ни мысли, ни даже оттенка мысли, что она выше, лучше других, что ей положено что-то, не положенное другим, и ни разу в жизни она не почувствовала, что она отдельно, а остальное человечество отдельно. В осознании себя она была «как все» и даже отчасти хуже многих, тех, к примеру, кто жил в отдельной квартире или у кого муж защитил диссертацию, – она воспринимала все семейные недочеты как собственную воспитательскую неудачу.

Осознать, что Илья *уже все*, было трагедией. Но любое четко сказанное судьбой *уже все* приносит пусть печальное, но все же успокоение, и Фира – это была новая Фира, впервые в жизни отказавшаяся от своего страстного желания, – стала спокойней и счастливей, чем прежде. И даже их любовная жизнь стала более страстной. Ее любовь к Эмке, то ли любовь, то ли вдруг вспыхнувшая обида на жизнь, ненадолго отдалила ее от Ильи, но потом все вер-

нулось: она хочет Илью, не изменяет ему даже в мыслях, – чем же это не любовь? А изредка повторяющийся сон... не имеет значения, мало ли что может присниться. Сон был странный, ей снилась любовь, физическая любовь с Ильей и *любовь*, во сне Илья любил ее физически, она ему физически отвечала, но при этом испытывала нежность, и эта нежность была – Эмка. Как будто она любит двоих разной любовью, как будто у нее две души.

Если бы Фира могла говорить о сексе, она улыбнулась бы и радостно-ворчливым голосом сказала: «Ну, страстной наша жизнь была всегда...», и это правда. Но Фира даже с Фаиной никогда не обсуждала «это», кроме, пожалуй, одного раза: Фаина сказала «у нас с Эмкой с этим все», и Фира в ответ «ох...», вот и весь разговор.

...Но если бы Фира хоть раз в жизни заговорила о сексе... пожалуй, она сказала бы «отстаньте!».

Как говорил Мессир из любимого Фаинино романа, обозрев москвичей, «ну что же, люди как люди», – так и Фира – ну что же, обманутые надежды, смирение, очарования-разочарования, все как у всех... А если бы Мессир был психоаналитиком, он бы добавил: «Все как у всех, и секс как способ компенсации социальной неудовлетворенности». Фира была совершенно как все. Она и не претендовала на собственную уникальность. Но Лева, Лева!.. Лева не как все!

К десятому классу Лева Резник глядел сверху вниз с фотографии на доске почета 239-й школы с удвоенным правом – как победитель математических олимпиад и как человек Возрождения. Человеком Возрождения Леву называла учительница литературы, – она говорила, что его способности к гуманитарным наукам не меньше, чем способности к математике.

Фира была счастлива вообще и на каждом родительском собрании отдельно. На каждом родительском собрании Фира испытывала сладостное чувство в диапазоне от приятного волнения до почти болезненного спазма острого счастья.

Собрания всегда проходили одинаково: взволнованные родители рассаживались по партам, не глядя друг на друга, – что будет? Классный руководитель, математик, стоя на кафедре, тусклым голосом зачитывал список. Список был длинный – те, кто «подлежит скорому отчислению», затем такой же длинный – те, кто «не тянет», и самый длинный – те, кому «нужно больше работать, чтобы остаться в школе». Однажды одна мама упала в обморок, услышав свою фамилию в списке «не тянет», остальные оказались покрепче, но без маминых слез и папиных мрачно сжатых челюстей ни одно собрание не обходилось. Фира старалась не глядеть на растерянных родителей, по лицам которых будто мазнули мокрой тряпкой, особенно было жаль мам. Дети пришли в эту особенную школу не учиться, они пришли за своим будущим, – или родители привели их *за будущим*, поэтому мамы плакали и папы так не по-мужски драматично воспринимали.

После прочтения списка «ужасных» математик отмечал «прекрасных». «Прекрасных» было немного, рядом с фамилией звучало количество решенных особо сложных задач. Лева всегда был в этом коротком списке на первом месте, и Фира опускала голову все ниже, стараясь быть скромной, не петь лицом, не демонстрировать родителям обычных детей свое огромное, огромное, огромное счастье.

Школа была главное, но не Главное. Система математического образования была двойная – школа и математический кружок, и для настоящего успеха одно не могло существовать без другого, как без обеда не может быть десерта, а без десерта не может быть обеда. Школа была обед, знания, оценки, аттестат, поступление в университет, олимпиады, а маткружок был десерт, математика в кружке отличалась от математики в школе как полет мысли от ежедневных экзерсисов. Или, если сравнить с Фириным любимым фигурным катанием, школа – это обязательная программа, а кружок – произвольная программа, в школе учили, а в кружке занимались олимпиадной математикой, готовили к олимпиадам: городской, всесоюзной и – страшно сказать – международной. В маткружке Лева тоже был первым.

Математические олимпиады в городе проводились начиная с восьмого класса. В восьмом классе Лева занял первое место, как говорили в кружке, «на городе», но та олимпиада была еще как бы детская, не в счет, а Лева – победитель-девятиклассник уже представлял Ленинград на всесоюзной олимпиаде – и приехал с победой! О том, что случилось дальше, Фира предпочла бы забыть, помнить было мучительно, забыть невозможно, но она изо всех сил забывала, как будто не выбросила старое тряпье, а убрала на антресоли, с глаз долой.

Олимпиадные дипломы хранились у Фиры в комодке вместе со всеми документами, но место занимали отдельное, почетное, ведь ее и Ильи дипломы о высшем образовании были прошлое, уже имели значение только антикварное, букинистическое, а Левины дипломы – это блестящее будущее, матмех ЛГУ, аспирантура в институте АН СССР, математические конгрессы, медаль Филдса.

«Но если кто-то победит на всесоюзной в десятом классе... – Фира суеверно думала «кто-то», не называла Леву даже мысленно, чтобы не сглазить. Человеку нельзя желать так много, это будет наглостью. – Но если... если-если-если... тьфу-тьфу-тьфу, чтобы не сглазить... если кто-то победит на всесоюзной олимпиаде, он будет допущен к участию в международной олимпиаде...»

Если Лева победит в международной олимпиаде, он получит право поступать в любой университет без экзаменов. Они заранее выбрали – матмех ленинградского университета.

После «летки-енки», не дожидаясь чая, бросились к торту, наполеон съели прямо с противня, не переложив на блюдо, а Таня смотрела на часы и толкала Леву в бок и подмигивала ему.

– Можно нам к Виталику? Мы обещали, что придем ненадолго. Если вы не возражаете. Мама?..

Фиру как будто выключили в момент самого возбужденного веселья, она смотрела на Леву с выражением женщины, от которой в Новый год любовник уходит до того, как пробьют куранты. Она ведь все для него: и красивая для него, и поет для него, и пляшет, и подарки...

– Ты правда хочешь уйти?.. А у меня еще бенгальские огни, будем жечь в ванной, как в Новый год...

– Там все-е, и Але-ена, и Ари-иша, – протянула Таня. – Там та-анцы...

– Там все. Там танцы, – весомо сказал Илья, поборник священного права человека на развлечения, и просительно взглянул на Фиру. – Фирка, отпусти их.

Дети ушли.

Фаина начала убирать со стола, Кутельман вышел поискать Фиру. Он нашел ее в полутемной прихожей перед зеркалом, она не обернулась, когда он подошел. Стоя за ее спиной, Кутельман смотрел на ее лицо в зеркале, лицо было таинственно-печальное, как бывает при тусклом свете, и вдруг она сделала странную вещь – послала воздушный поцелуй, то ли сама себе, то ли ему. И, не оглядываясь, сказала:

– Эмка, а если Лева пропустит всесоюзную олимпиаду? Ну, все же может случиться, например заболеет гриппом? Тогда у него не будет шансов попасть на международную...

– Он и без олимпиады поступит на матмех.

– Ты, Эмка, наивный, как ребенок! На матмех каждый год принимают двоих евреев, но где гарантия, что Лева окажется одним из них? А если нет?!

...Хлопнула входная дверь.

– Фирка, домой!.. – с порога закричал Илья и по-детски обиженно добавил: – Какая гадость, как вам не стыдно... Мне вот стыдно, что я в этом участвую, а вам нисколько. Танцевали, веселились, а ей не сказали?! Стыдно было, да? ...Как Таньку жалко... Вы не люди, а звери... Господа, вы звери!.. Фирка, домой! Быстрей...

Возбужденный алкоголем, танцами и негодованием Илья тронул Фиру за коленку, сделал вид, что поднимает ей юбку, и она укоризненно покачала головой – подожди до дома.

Кутельман поморщился на недвусмысленный жест – неприятно, неправильно! Физическая любовь в юности оправдана продолжением рода, но секс после сорока – личный выбор каждого, и он свой выбор сделал, секс уже давно кажется ему глупым – один человек помещает часть своего тела в другого человека, и этим нелепым действиям люди придают особый, чуть ли не сакральный смысл, называют любовью. Но любовь не имеет ничего общего с мужским яростным желанием, любовь – это поместить в другого человека не часть своего тела, а часть *себя*, своей человеческой сути.

...Во дворе Фира подняла глаза на окна Ростовых.

– Интересно, что они сейчас делают?

– Ну что они могут делать, играют в бутылочку, делят на десять человек бутылку портвейна... – легкомысленно отозвался Илья.

– Типун тебе на язык, они хорошие дети... Бедная Танька, вот будет завтра реву... бедный ребенок, бедная наша глупышка.

– Почему вы ей не сказали? – спросил Илья. Фира не ответила, и он не настаивал, ему не хотелось допытываться, хотелось совсем другого, он подтолкнул Фиру к подъезду: – Идем, идем скорей...

Дневник Тани

31 августа

Я хотела начать новый дневник завтра, 1 сентября, как делаю каждый год. Но сегодня вечером произошло невероятное, поэтому я пишу ночью. Нина из-за меня потеряла девственность. Я виновата, я не снимаю с себя вины! Но ведь это была просто игра, шутка!

Я не одна виновата! Если бы я сделала то же, что Нина сегодня... то я бы мгновенно превратилась для родителей в грязь, самую грязную на свете грязь! Как она смогла, как решилась, как?!! Ведь она человек строгих нравственных правил, у нее даже чересчур много внутренних запретов. Ариша даже к бокалу шампанского на Новый год относится как к страшной опасности, даже легкое опьянение, «пузырьки в голове» для нее огромное страшное У-У, НЕЛЬЗЯ. А для Нины – все НЕЛЬЗЯ!

Не знаю, с чего начать!

Вечером тетя Фира и все наши веселились как дети. Жалко их, они думают, что нам нужна «летка-енка» и бенгальские огни, а мы слевой душой были не с ними. Ждали, когда можно будет, соблюдая приличия, попроситься к Виталику.

Все-таки не знаю, с чего начать!

Начну с себя.

У Виталика на столе в гостиной альбом Модильяни. Все его модели похожи на меня и моего папу – длинные печальные лица. И вдруг девушка с золотыми волосами, как будто Аришин двойник! И на Алену одна немного похожа – упрямым выражением лица. А я дылда, выше Ариши и даже выше Алены.

Кроме нас, были еще другие друзья Виталика. У Виталика широкий круг общения, дети артистов и др. Виталик знаком со всеми «дочками» Ленинграда: с дочкой Пьехи Илоной, с Наташей, дочкой Марии Пахоменко, с дочкой Басилашвили и другими знаменитыми дочками. Я сидела, стеснялась их и думала, хорошо ли быть «дочкой»?

Каждый человек живет на какую-то тему, как будто пишет сочинение «на тему». Тетя Фира живет на тему «Лева», мой папа – ученый, поэтому живет на тему «теория оболочек»... и еще «Лева», мама живет на тему «все должно быть правильно». А «дочки» живут на тему «родители». Илона рассказывала, как ссорится с мамой. Виталик нашептал мне на ухо, что Илона на вступительном экзамене в театральный написала сочинение «Как я ненавижу свою мать». Может, приврал для красоты. А может, и нет. Ей, наверное, все говорят: «Твоя мама красавица, а ты похожа на папу». Дочка Басилашвили Ольга то и дело гордо говорила «мой папа».

Лева сказал ей: «А знаешь, кто мой папа? Мой отец – Илья Резник». И все засуетились: «Как, твой отец – Илья Резник?!» Лева удивился, и я удивилась – откуда все знают дядю Илюшу? Оказалось, есть большая знаменитость в мире эстрады – Илья Резник, пишет песни для Аллы Пугачевой. А мы и не знали, потому что эстрада не входит в сферу наших интересов. Лева просто хотел сказать, что любит своего папу не меньше, чем она своего, хоть он никакая не знаменитость.

Илона поет вместе с Пьехой, Наташа Пахоменко тоже поет вместе с мамой, их показывают по телевизору.

А если бы всех показывали по телевизору вместе с родителями? Меня бы показали вместе с папой, как мы вдвоем пишем формулы на доске, пишем, кладем мел, вытираем пот со лба... я в костюме и галстуке. А Лева вместе с дядей Илюшей – лежат на диване и смотрят футбол.

Все, абсолютно все были в джинсах, а я в юбке, вот драма моей жизни.

ДЖИНСЫ ЕСТЬ У ВСЕХ, КРОМЕ МЕНЯ. Даже мышка Микки Маус носит джинсы «Levi Strauss & Co»... А я? У Алены, Ариши и Нины джинсы «Levi's». У Левы «Lee». Ценность

джинсов «Lee» заключается во флажке, бывают с оранжевым флажком и с красным, оранжевый лучше, чем красный.

У Виталика джинсы разных фирм, у него есть «Levis», «Lee» и «Wrangler».

А у меня эстонские джинсовые брюки за двенадцать рублей. Стыдные, позорные, невыносимые эстонские джинсы. Мама иногда спрашивает, почему я не надеваю свои «джинсы», и тогда я вынуждена надевать этот кошмар моей жизни, незаметно засовывать под свитер юбку и переодеваться в лифте.

Папа не жадный, но разве мне можно разговаривать с ним об одежде, объяснить, что человек в фирменных джинсах становится другим?! Один раз я робко сказала: «Папа, у всех есть джинсы, кроме меня», и он ответил: «Ты хочешь быть как все?» С любопытством, как будто проводил эксперимент по вычислению моей человеческой ценности.

Что мне предпочесть – человеческое достоинство в юбке или унижение в джинсах? Ответ понятен.

– Да, я хочу быть как все.

– Хорошо. Пусть мама купит тебе все, что сочтет нужным, чтобы ты была как все, – сказал папа и так горько скривился, как будто теперь-то уж стало совершенно понятно, что я не оправдала его ожиданий.

Но лучше бы я выбрала человеческое достоинство, потому что унижение оказалось напрасным.

– Это противоречит принципам нашей семьи, – ответила мама.

– При чем здесь принципы?

– Если нужно объяснять, то я опоздала на целую жизнь, – печально сказала мама.

– Нет, ты не опоздала! Я все знаю! Носить джинсы, которые стоят как зарплата инженера, это пренебрежение к людям, у которых хуже образование и соответственно меньше зарплата, чем у вас, – заторопилась я, – а я сама еще никто. Я должна выучиться, работать, достигнуть успехов и на пятидесятилетие купить себе джинсы.

Мама не улыбнулась. Ей не нравится мой юмор.

Было много вина «Изабелла», оно оставляет красные следы на бокалах, вино купили мальчишки, и Виталик еще купил коньяк, который никто не пил, а из еды каждому по пять кусочков копченой колбасы и столовая ложка черной икры. Я пишу о еде, потому что хочу в будущем писать сценарии для кино, и мне нужно учиться выделять детали. В кино именно с помощью деталей показывают характеры.

Любая сцена должна быть такой, чтобы можно было ответить на вопрос «про что эта сцена?». Эта сцена еды про что? Про то, что с помощью икры и колбасы мама Виталика замаливает свои грехи, но все равно он брошенный, у него икра есть, а хлеба нет.

Все набросились на копченую колбасу, как голодные зверьки, и я тоже. Мне было неловко, но я очень люблю копченую колбасу. Получается, что я готова отдать свое достоинство за кусок копченой колбасы! А Ариша подсовывала свою колбасу Виталику, потому что мы все уйдем по домам ужинать, а у него останется только коньяк. Значит, эта сцена – про Аришу, какой она тонкий тактичный человек, как она любит Виталика.

Мы играли в «кродила». В эту игру играют студенты театрального института. Все делится на две команды, одна команда придумывает фразу, и человек из этой команды должен показать эту фразу без слов, а другая команда должна отгадать.

Алене нужно было показать фразу «в джазе только девушки», она надула губы, как Мэрилин Монро, затуманила глаза и начала прерывисто дышать. Алена лучше Мэрилин Монро, в Аленином лице кроме красоты виден сильный благородный характер. Алена слишком красивая для обычного мира.

Ариша вообще отказалась играть, она стеснительная. Тихая прелесть Ариши рядом с Аленой как будто тень от предмета по сравнению с самим предметом.

Нина встала, чтобы показать свою фразу, и всем стало неловко. Она как будто превратилась в несмазанного скрипучего робота, не могла двигаться. Она стесняется, потому что она впервые у Виталика. Не то чтобы ее специально не приглашают, просто говорят «пока», и мы все идем вместе в кино или к Виталику, а она идет домой.

Мне нужно было показать фразу «дружба между мальчиком и девочкой – это секс». Я думала, с ума сойду от стыда, но мне не пришлось показывать слово «секс», Лева сразу отгадал всю фразу.

Виталик показывал как настоящий артист! У него как будто все тело танцует, и поет, и улыбается. И уже не видишь, что он некрасивый, похож на молодой огурец, тонкий, слегка искривленный, бледно-зеленый. Ариша смотрела на него, как мама-утка на своего утенка на птичьем дворе, – вдруг ему что-то понадобится, а она тут как тут!

В любви всегда кто-то целует, а кто-то подставляет щеку. Ариша целует, а Виталик подставляет. Когда мама Виталика вышла замуж через месяц после трагической гибели его отца, Ариша подобрала Виталика, как птенца, выпавшего из гнезда. А Виталик, как настоящий кукушонок, быстро стал главным. Почему-то ко мне так и лезут сравнения из птиц!

Потом Виталик сел к папиному роялю и стал играть «Help», он сделал аранжировку «Битлз» и играл с секвенциями из Баха. Виталик талантлив во всем! Он будет эстрадным музыкантом или актером, обязательно знаменитым, слава просто ждет его за углом!

Потом мы играли в фанты. В этот вечер всё, буквально всё вертелось вокруг секса. Все фанты были про это. Я не могла придумать ничего оригинального и тупо молчала. Виталик прошептал мне: «Лишить Нину девственности», и чтобы не молчать, я повторила: «Этому фанту лишить Нину девственности». Я улыбалась как дура. Потому что хоть это была шутка, но дурная шутка.

Мальчик, которому выпал этот фант, – сын артиста из Театра комедии, которого мы все сто раз видели по телевизору. Он очень взрослый и уверенный в себе. Он засмеялся, потянул Нину за руку, и она встала. Стоит и не знает, что делать.

Поскольку я сама стеснительный человек, я ее понимаю. Ее позвали в эту компанию первый раз, и она боится что-то сделать не так, хочет быть как все. Не знает, как здесь принято себя вести. Можно ли ей рассердиться и сказать «отстань!», или все будут над ней смеяться, подумают, что она тупая. А превратить все в шутку она не может, она не умеет шутить.

Они вышли из комнаты. И их нет и нет.

И все нет и нет! Стали играть дальше без них. А их все нет и нет! Потом этот мальчик вернулся. А Нины нет и нет! Мне было мучительно стыдно. А вдруг он как-то обидел эту дурочку Нину, посмеялся над ней? И она сидит на кухне и плачет?

Я ее не люблю. Нас пятеро – Лева, Алена с Аришей, Виталик, я. Алена с Аришей все время продвигают Нину, но я ни за что не соглашусь считать ее одной из нас! С того времени, когда Аленины-Аришины родители ее удочерили, Нина неузнаваемо изменилась: была зверек, а теперь спортсменка, комсомолка, отличница. Все люди растут, развиваются, но приличные люди развиваются в другую сторону. Я не доверяю общественным деятелям! Всем людям интересна только своя жизнь, писателям интересны чужие жизни, но конкретные, а Нине зачем-то нужно безличное благо для безличной толпы – класса, или школы, или человечества. Может показаться, что я злопамятная, не могу простить ей «жидовку». Нет! Я тогда собиралась в гости к Виталику – как будто это первый бал Наташи Ростовой. Мама сказала: «Ростов – мировая знаменитость, там будет весь творческий Ленинград, веди себя прилично». Как будто я могу вдруг завывать или начать кусаться. Это был Нинин первый день у Смирновых, ее привели сразу же в гости, в такой дом! Знаменитый Ростов, мама Виталика в длинном платье, гости, люди искусства, и вдруг она на весь стол орет мне «жидовка!», и все онемели. Как в кино.

Мы с ней катались по полу, как дикие звери, на глазах у всего творческого Ленинграда. Я Нине не доверяю! Вдруг из ее нынешнего безупречного облика вытянется рука и как даст мне по башке? Думаю, в общественных деятелях таятся подозрительные глубины.

Но все-таки Нина здесь чужая, как бы гость, а мы как бы хозяева. Я попросила Виталика ее поискать.

Виталик ушел за Ниной, вернулся один и объявил: «Вечеринка закончилась. Мама звонила, скоро придет». Я встала, а он тихо сказал: «А вас, Штирлиц, я попрошу остаться». Всех чужих проводил, вытолкал, и мы остались одни: я, Алена с Аришей, Виталик и Лева.

Ох, что произошло!

Ох, сколько там было крови. А ведь мама Виталика приходит к нему раз в неделю, придет и увидит следы крови в своей спальне!

Мы отмывали кровь с Аленой, Алена с пола, а я с матраса. Виталик стоял над нами и изображал тетю Фиру. Она всегда входит в класс и спрашивает: «Что у меня тут происходит? Это обычный урок математики или у меня тут детский сад?»

Виталик тети-Фириним голосом говорил:

– Что у меня тут происходит? Это обычная потеря девственности или у меня тут зарезали овцу? – И Нининим голосом отвечал: – Фира Зельмановна, не беспокойтесь, это обычная потеря девственности.

Нина все это время пряталась в ванной, Ариша была с ней.

Мне стало плохо от крови, и Алена отмывала одна, смотрела на всех со своим любимым упрямым выражением «да, ну и что?!». Виталик сказал:

– Давайте вывесим простыню во дворе, как Нинины предки, она же из какой-то деревни. Лева делал вид, что не смущен.

И мы все время смеялись.

Люди бы ужаснулись – что мы так развратны, не стесняемся, смеемся. Но это был нервный смех. И не разврат, а просто мы пятеро такие близкие друзья, что самые интимные вещи становятся достоянием каждого.

Виталик сказал:

– Каждая из вас, девочки, потеряет девственность на этой кровати.

КРОМЕ МЕНЯ. Я ОСТАНУСЬ СТАРОЙ ДЕВОЙ.

Мне не в кого влюбиться! Лева, конечно, самая грандиозная личность из всех моих знакомых, но он не видит во мне женщину. Я для него как домашние тапочки. И он с детства знает, что я глупее. Как можно относиться к домашним тапочкам, которые к тому же глупее?..

В прихожей Алена вспомнила, что сказала маме, что идет в кино на новый фильм из серии «Шерлок Холмс и доктор Ватсон». «Шерлока Холмса» снимали во дворе нашего дома, как будто наш двор – это Лондон.

Зачем врать? «А из принципа, нечего спрашивать, куда я иду», – объяснила Алена. По моему, нелогично. Наврала и, оглядываясь, шмыгнула, как мышка, через двор, к Виталику.

– Про что кино? – спросила Алена.

– Про собаку Баскервилей, – сказал Виталик.

Отчим Виталика один раз разрешил нам прийти на «Ленфильм». Вообще-то, он разрешил Виталику с Аришей, а меня Виталик взял от страха, что я скончаюсь от зависти. Увидеть своими глазами, как создавались любимые фильмы! На «Ленфильме» было как будто я Алиса и провалилась в кроличью нору и попала в другой мир! Виталик очень оживился среди реквизита, там были вещи из «Шерлока Холмса» – скрипка, трубка. Он примерил пиджак Шерлока Холмса, твидовый с коричневыми пуговицами, и жилетку, и рубашку, Ариша надела парик и платье княжны Волконской из «Звезды пленительного счастья», она была совсем как княжна, очаровательная. А для меня самое-самое был монтажный стол, на нем – на нем! – клеились

негативы великих картин! В кабинете сценариста я потрогала стол на счастье и загадала, что я вернусь сюда.

Мы с Аленой-Аришей и Ниной стояли во дворе, Алена спросила Нину:

– Ну?... Зачем? Неизвестно с кем! Это же клиника, ты клиническая идиотка...

Нина угрожающе сказала:

– Отстань!

Алене она не боится сказать «отстань», они как сестры. То есть Нина приемная, но они как сестры.

– А ты, Танька, что думаешь? – спросила Алена.

А я что думаю?

Я думаю, что жалко ее. Я думаю, что она растерялась и хотела показаться своей. Наверное, ей казалось, что здесь все так себя ведут, и она постеснялась устраивать сцену. Испугалась, что если она его оттолкнет, ударит, закричит, выбежит из комнаты, это будет стыдно, неловко, все подумают «вот дура!». Я думаю, это судьба, интересный сюжетный ход. При всей ее внешней обычности по своей судьбе Нина – персонаж.

Квартира Виталика имеет какой-то особый смысл в Нининой жизни. Здесь второй раз происходят поворотные события ее жизни, второй раз она ничего не понимает! Тогда, давно, не понимала, что нельзя говорить «жидовка», что все смотрят на нее с отвращением. А сегодня так неромантично потеряла девственность во время игры в фанты, почти что при свидетелях, чтобы показаться своей человеку, которому она никогда не будет своей, который забыл о ней, как только вышел за порог. Нина – комсорг, отличница, любимица учителей, особенно тети Фиры. Но иногда кажется, что она как Алиса в Стране чудес, ничего не понимает. Жалко ее. Таинственно привезли в Ленинград, удочерили, ее настоящие родители – тайна.

Мне повезло, что все окружающие меня люди – персонажи по судьбе или яркие личности. Они действуют, создают события, а я описываю их жизнь.

Больше всего на свете люблю писать!

Никто не знает, что у меня есть Великий План. Внутренне я как река, которая вот-вот выйдет из берегов. Я хочу написать рассказ.

Вдруг меня напечатают? Дину Рубину же напечатали в «Юности», когда ей было шестнадцать лет.

Или лучше киноповесть. Вдруг по моему рассказу снимут кино? Тогда будет слава, признание.

НО О ЧЕМ ПИСАТЬ????????????????

БАЛДА, БАЛДИЩА, пиши о том, что знаешь. Про любовь.

Про любовь я ничего не знаю.

А что я знаю?

Я знаю пять имен девочек: Таня – раз, Алена – два, Ариша – три...

А вот хорошая идея – написать о себе. Что меня больше всего волнует?

Честно говоря, больше всего на свете меня волнуют джинсы. Что у всех есть джинсы, а у меня нет.

А что, если... ЧТО ЕСЛИ ТАК И НАЧАТЬ????!! Это будет рассказ об одинокой девочке, которую любят, но строго. Главный принцип ее родителей – любовь должна быть с кулаками. А она от их любви становится все одиночей и одиночей.

Сегодня вечером мама с папой со мной не разговаривали, как будто я в чем-то провинилась. Смешно, что наша жизнь кипит, а родители все еще считают, что мы факт их жизни. Как будто мы маленькие.

Но я все еще как маленькая люблю свою школу, свою парту, люблю, что сижу с Аленой, люблю, что завтра всех увижу, кроме Левы, конечно, – наследный принц математики, папин духовный сын, продолжатель дела его жизни, математики – царицы всех наук, идет в свою зна-

менитую школу, как говорит папа, «лучшую физматшколу в городе, возможно, в стране, возможно, в мире». Мерзкую математическую школицу для гениев. Что я как следует ненавижу, так это математику-царицу.

Рабочее название моего рассказа «Девочка, у которой не было джинсов».

* * *

В ночь на первое сентября Фаина спала прекрасно, а Кутельман беспокойно, несколько раз за ночь просыпался, а под утро проснулся и больше не заснул, лежал, представлял – как будет. Кутельман не ждал бурной реакции, истерики, срыва – Таня умственная девочка, вся в книгах. Ну что, собственно, она может сделать? Выскочить из дома, изо всех сил хлопнув дверью? Она ни разу в жизни не совершала таких решительных действий – хлопнуть дверью, уйти; она вообще боится совершать решительные действия. Но она все же подросток, пусть и не буйный, а подросток, чуть что, воображает, что его предали. Скорее, он опасался не Таниных действий, а собственной к ней жалости. Но действительность превзошла все его ожидания.

Таня вышла на кухню уже полностью одетой, в форме, в белом переднике, и обнаружила маму с папой сидящими за столом с напряженными лицами.

– Сейчас восемь пятнадцать, тебе пора выходить. Лева идет с тобой, проводит тебя в школу, – сказала Фаина.

– Проводит меня – зачем? Ему ведь тоже в школу, – удивилась Таня. – А мне еще рано, мы с Аленой-Аришей встречаемся во дворе без четверти девять.

– Ты теперь учишься в другой школе, в 239-й. Теперь у тебя тоже есть будущее, скажи спасибо папе.

– Спасибо, – засмеялась Таня. Мама редко шутила, поэтому Таня смеялась старательно, желая показать, что это была удачная шутка.

– Эмма, ты обещал. – Фаина сжала губы, смотрела вдаль, мимо Тани, на Танино прекрасное будущее.

– Э-э... да. Таня, окончить эту школу в некотором смысле то же самое, что окончить Гарвард, – сказал Кутельман.

– Ну, Эмка, не преувеличивай... – Фаине нравилось, что «Гарвард», что «математика», что Таня прямо сейчас, в наглаженном белом переднике, шагнет из кухни в свое будущее.

– Таня?.. Ты почему не плачешь?.. «Наша Таня громко плачет», – фальшивым бодрым голосом произнес профессор Кутельман.

И все? И все. Почему она не заплакала, не закричала, не спряталась в своей комнате, не убежала из дома? Шок? Оторопь от масштаба предательства?..

Потом это бывало с ней в моменты стресса, когда земля уходила из-под ног, но тогда впервые случилось: как будто все, что с ней происходит, – это кино, а она сидит в зале и смотрит на экран – про что кино?.. Потом, *совсем потом*, через много лет, она прочитала, как работает один из механизмов психологической защиты – изоляция, отделение психической сферы от реальности.

Это было не немое кино, она слышала текст.

– Никто не ждет от тебя побед на олимпиадах, а просто учиться ты сможешь, если ты не окончательная идиотка...

...Я знаю, как понять другого человека. Для этого нужно представить, что я – раз и впрыгнула в него.

Если впрыгнуть в маму.

Она хочет гордиться своим ребенком. Но не может. Она хочет меня любить без памяти, как тетя Фира любит Леву. Но она не может прижать меня к себе, поцеловать, как тетя Фира Леву.

Мама думает, что тетя Фира любит Леву за то, что он гений. А ей меня так уж сильно любить не за что. Но если бы я ответила ей тем же??? Больше любила бы папу за то, что он профессор, доктор наук, всемирно известный человек в своей области, автор учебника, а она кто?.. Всего лишь кандидат наук. Но я же люблю их одинаково.

– Математика организует ум, тебе это необходимо...

...Если впрыгнуть в папу.

Для папы счастье, что у него есть Лева.

Мне маму и папу очень жалко за то, что у них такая неудачная я. Для других родителей я была бы удачным ребенком: я отличница, играю на скрипке, мои сочинения всегда лучшие, но ИМ ВСЕ МАЛО, все мои достижения – ерунда по сравнению с Левой. «Балда, часами может пялиться в телевизор, обожает «Кабачок 13 стульев», пишет какие-то глупости в тетрадке». ...Почему не показывают «Кабачок 13 стульев»?! Я скучаю без пани Моники и пана Зюзи...

– «Папа у Тани силен в математике, учится папа за Таню весь год...»

...Кто это поет?.. Мама. Объективная семейная оценка меня «так себе», человек средних способностей. Но это только моя оболочка в этом равнодушном мире, а внутри очень тонкая душа. ПОЧЕМУ ОНИ НЕ ХОТЯТ В МЕНЯ ВПРЫГНУТЬ?

– Это не пренебрежение тобой как человеком, это для того, чтобы ты стала человеком... Не хочешь?.. Нет, ты хочешь! А если нет, значит, ты станешь человеком через «не хочу».

...Лева никогда не позволил бы распоряжаться собой, как пешкой. Алена никогда не позволила бы.. Независимость дается человеку вместе с красотой. Поэтому красивые – это другие люди.

А вот и второстепенные персонажи: тетя Фира, дядя Илюша. Тетя Фира главная, как она скажет, так и будет. Я умоляла купить мне в школе лакированные туфли-лодочки, лакированные лодочки делают мои ноги почти такими же красивыми, как у Алены. Но у мамы принцип, что только духовное важно. Если для меня так важны туфли, то она ни за что не купит. Тетя Фира велела: «Фаинка, оставь свои принципы и купи ребенку туфли», мама поджала губы, но купила.

– Лева тебе поможет.

...Лева, Лева, Лева... Нельзя плакать, от этого Левино величие в маминых глазах еще больше, а ее неудачная дочь еще хуже, – плачет и подвывает, как собачка.

В кино меняется сила звука, от крика до шепота. Это дядя Илюша. Единственный человек в этом мире, который понимает, что они со мной сделали. Дядя Илюша шепчет: «Танька, прости...»

Была еще одна причина Таниного странно кроткого поведения, *настоящая* причина, которая, как все настоящие причины, может показаться нелепой. Таня стеснялась, что мама увидит, *что она чувствует*... Показать маме свой ужас, свой страх, обиду, как и любые свои эмоции, – раскрыться – было невозможно, невысказанно! Неординарная на первый взгляд ситуация – стесняться собственной мамы, но если всмотреться, то и ситуация, и сама Таня покажутся не такими уж странными.

Фаина, конечно, не намеренно создала отношения, подразумевающие некую эмоциональную стерильность, она не отталкивала Таню, когда та была ребенком, не насмешничала, не оскорбляла, ни разу не воспользовалась ее детской откровенностью – не дай бог, ничего подобного. Но если у Резников орали-целовались-ссорились-мирились, и от повышенного любов-

ного фона всегда казалось немного слишком жарко, то драматургия любого сюжета в семье Кутельманов была сглаженной, завязка всегда была потаенной, неявной, тихой, и даже кульминация и развязка обходились без резких эмоциональных жестов. Ну не могла Таня заплакать, закричать, хлопнуть дверью, это было все равно что на глазах у мамы пуститься в пляс посреди кухни или заорать во все горло «а-а-а!...».

Что бы это ни было – беспомощность и боязнь постоять за себя или умение оставаться в рамках семейных правил, Таня, вернее – ее оболочка в лакированных туфлях, послушно последовала за Левой в школу для гениев. Теперь она, дочь своего отца, внука своего деда, будет организовывать свой ум в абсолютно чуждом ей месте.

Дети ушли, а взрослые остались доругиваться.

– Какая гадость! Как вам не стыдно! Бедная Танька!.. Она же человек, не кукла!

– Это не я, это она... Это Фаина.

Слова закоренелого двоечника из уст профессора Кутельмана звучали странно, и странным было виноватое выражение лица, с которым он смотрел на Илью, воинственно наступавшего на своего бывшего научного руководителя.

– Это же чушь собачья – по блату в матшколу! Фаинка! Давай я тебя по блату отдам в балет! – кричал Илья. – Ребята, я вас не понимаю!

– А я тебя, Илюшка, не понимаю! – Фаина, стройная, слегка полноватая в бедрах, шла к ним по коридору, чуть переваливаясь. Илья фыркнул, представив ее в балетной пачке. – Почему тебе нужно изменить акценты?! Это не блат, а справедливость! Танин дед – профессор Кутельман, ее отец – профессор Кутельман, они своим трудом заслужили для нее право учиться в этой школе. Таня – не Лева, она человек более чем средних способностей. Мы обязаны помочь ей получить образование. А эта школа даст ей возможность поступить в технический вуз.

– О-о! Ну, давай, испорти ей жизнь! Узнаю старую песню! Институт – диссертация! – бешено заорал Илья. – Вам нужно всем испортить жизнь!.. А хотите анекдот? По Дерибасовской идет еврейская мама, ведет за руки двух мальчиков. Встречает знакомую, та говорит: «Сара Абрамовна, какие у вас милые крошки! Сколько им лет?» «Гинекологу шесть, а юристу четыре». ...Фаинка, ты же не Сара Абрамовна с Дерибасовской, ты же культурный человек! Отстань от ребенка! Танька не хочет всего, что ты для нее придумала.

...Фаина не рассмеялась, дернула плечом – значит, через «не хочу». Все лето она убеждала Кутельмана договориться, чтобы Таню взяли в десятый класс знаменитой физматшколы: «Твое имя открывает все двери, ты никогда ничем не воспользовался, это не стыдно, это для ее будущего». Вчера, улучив минутку между «леткой-енкой» и вручением подарков, прошептала: «Фирка, поздравь меня, ее берут». Фира сказала: «Ну, слава богу, поздравляю». И почувствовала, что в ней шевельнулся гадкий червячок. Лева пришел в эту школу с дипломом победителя городской олимпиады, лучше всех сдал вступительный экзамен, и то все волновались – еврей, вдруг не возьмут... И это – пойти и договориться – обидно снижало Левины достижения, Левину уникальность. У Фаины есть все, но зато у нее – Лева, Левина математика, *Левина школа*, пусть Левино останется только Левиным! Можно сказать, что Фира почувствовала себя как бедняк, у которого богач украл единственную овцу.

– И-люшка, – с нажимом сказала Фира, улыбнулась снисходительно, и Илья по-детски надул губы – обиженный, он был еще красивей.

– Фирочка, прости. – Илья шутовски поклонился. – Я забыл, я же не имею веса в нашей семье, как будто я тебе не муж, а старший неудачный сын.

Фира опомнилась, приструнила своего червячка, сказав себе: «Ты с ума сошла, глупо и недостойно соревноваться детьми!»

Первое сентября было той чертой, за которой наступила другая жизнь, начался *другой* Лева, и начались Фирины мучения, как будто Бог воздал ей за гордыню. ... Неужели Бог воздал ей за гордыню?

Дневник Тани

1 сентября

Сегодня, 1 сентября, я полностью деморализована, как немцы под Москвой в сорокаградусные морозы. Это не кошунство, а максимально точно выражает мое состояние.

Но если это все-таки кошунство, то я деморализована, как Незнайка на Луне. Где все чужое, непонятное, страшное.

У них по стенкам развешаны портреты победителей олимпиад, и Левин портрет тоже висит. Почему бы им не повесить портреты русских писателей, как в нашей школе на Фонтанке? Как будто в жизни ничего нет, кроме математики! На переменах ходила по коридору, снизу вверх смотрела на портреты. Стояла под Левиным портретом. Идиотка на фоне великого человека.

СТРАШНО! Мне страшно!

Такой страх я испытывала в первом классе. Но тогда у меня хотя бы было утешение, я все время трогала ключ от дома, висящий на шее под школьным платьем, и мне казалось, пока ключ на мне, еще не все потеряно, у меня есть дом. А теперь я взрослая, и ключ от дома меня не спасет.

Лева опекал меня, как малышку, которую отдали в новый детский сад. Со всеми меня знакомил, говорил: «Это моя подруга, она мне как брат». Все смеялись, смотрели на меня с интересом.

Но после уроков он куда-то исчез, и из школы я вышла одна. И кто бы мог подумать, кто встречал меня во дворе? Может быть, мама, которая растоптала мою жизнь? Нет, мама на работе. Может быть, папа, который перечеркнул мою жизнь? Нет, папа в университете.

Дядя Илюша! Моя единственная близкая душа в этом жестоком мире.

Схватил меня, как птица своего подраненного птенца, и принялся гладить по голове. Я плакала, а он шептал какую-то успокаивающую ерунду: «Танька, ты остроумная, ты смешная, ты умная, ты особенная...» Неужели я такая?.. Мне-то кажется, что я жалкий червяк.

«Я знаю, как тебя утешить», – сказал дядя Илюша. И повел меня в «Сладкоежку» на Литейном. Из всех наших только мы с ним до смерти любим сладкое.

В «Сладкоежке» дядя Илюша расплачивался у кассы, а я взяла поднос и стала искать свободные места. Хотела сесть за столик, где сидел один старый человек, ветеран войны, у него на пиджаке медали и ордена. Дядя Илюша каждый год 9 мая водит нас с Левой смотреть шествие ветеранов по Невскому. Я плачу, когда идут ветераны, они такие старые, и с каждым годом их идет все меньше. Дядя Илюша отворачивается, чтобы мы не видели его лицо, но я знаю, он плачет.

– Садись ко мне, – позвал меня женский голос.

Это оказалась Мариночка.

Я познакомила ее с дядей Илюшей: «Это папа Левы Резника, а это Левина и теперь моя учительница английского». А как ее зовут, забыла. В классе ее называют Мариночка. Она не очень пожилая, ей лет тридцать. Милая, тонкая, понимала, что я стесняюсь, и не спрашивала меня на уроке, только улыбалась мне.

Наш дядя Илюша красивый, как киногерой. Внешность – как будто он из фильма «Три мушкетера», или «Фанфан-тюльпан», или «Анжелика», а весь его облик как будто из французского кино 60-х, такой одинокий интеллект-бунтарь в черном, курит, слушает Жака Бреля.

– Ваш Лева Ваш Лева Ваш Лева... – скороговоркой произнесла Мариночка.

Мариночка внешне обычная мышка, когда мышку знакомят с киногероем, она смущается и краснеет и начинает разговор на близкую киногерою тему.

– Мы все были так расстроены, не представляю, как вы это пережили...

– Мы пережили, – мужественно сказал дядя Илюша. – Моя жена вообще отнеслась к этой истории философски...

– Женщины легче переносят разочарования, чем мужчины, – понимающе кивнула Мариночка.

Пирожные в «Сладкоежке» вкусные, особенно корзиночка с кремом, хотя я больше люблю картошку из «Севера».

– Для школы большая честь, когда наш мальчик так хорошо выступает на всесоюзной олимпиаде, – сказала Мариночка. – Лева рассказывал, как мы его встречали? Собрание в актовом зале, поздравления директора. «Резнику выпала честь представлять Советский Союз на международной олимпиаде в Вашингтоне. Мы уверены, что Резник не подведет свою страну и свою школу...» ...Ребята аплодировали стоя. Мы все надеялись, что Лева поедет в Вашингтон... Это звучит как «на Луну», правда? И вдруг он не включен в команду!

Дядя Илюша пожал плечами. Мы не говорим об этом с посторонними.

Разве можно передать словами счастье и возбуждение, в котором мы жили! Лева приехал с победой! Отличные баллы, второе место! Сам академик Колмогоров пожал ему руку! Лева поедет в Америку! В АМЕРИКУ! Неужели это происходит с нами?!

Разве можно передать словами наше горе, когда в последний момент его не взяли? Сказали, что его документы потерялись. У всех документы готовы, а у него потерялись!..

Дядя Илюша кричал «подлая страна!», кричал, что ненавидит эту страну и уехал бы отсюда, отряхнув прах со своих ног. Дядя Илюша кричал, а папа молчал, целую неделю ни с кем не разговаривал.

– Разве можно Леве Резнику представлять нашу страну в Америке? – сказал дядя Илюша.

Мариночка улыбнулась своей милой, застенчивой, совсем не учительской улыбкой, и кивнула:

– Я не хотела об этом говорить, но понятно, в чем причина...

Ей понятно, но она не скажет вслух. «Резника не взяли в команду, потому что он еврей». Не пускать еврея на олимпиаду стыдно, а произнести слово «еврей» нельзя. Вот какая у нас лицемерная страна. В ней живут притворяшки тети-хрюшки. Я тоже стесняюсь говорить «еврей». Мне нужно потренироваться говорить «я еврейка». Независимо – «я еврейка». Гордо – «я еврейка».

Дядя Илюша заулыбался, распушился. Рассказал Мариночке историю своего друга, ученого, которого избрали иностранным членом Лондонского королевского общества.

– Жена отвела его в ателье, и там ему сшили фрак для церемонии заседания королевского общества. И где, вы думаете, этот фрак? Висит в шкафу. Его не пустили. Не фрак, конечно, а моего друга.

– Это мой папа. Это ему сшили фрак, фрак висит у нас в шкафу, – сказала я. Специально перевела внимание на себя. Слишком уж дядя Илюша распушился.

Мариночка ему понравилась. Откуда я знаю? А просто уши нужно иметь. И глаза. Он был со мной, и взгляд у него был потухший, а когда увидел Мариночку, на него как будто живой водой прыснули. Обычная жизнь кажется ему рутинной, а когда вдруг что-то новое блеснет впереди, жизнь вроде бы уже не такая скучная.

Он-то ей точно понравился, разве может не понравиться красавец, как будто из французского кино.

А если бы это было кино? В кино не может быть случайной сцены, в которой мужчина и женщина поговорят о талантливом ученике и разойдутся, в кино у них начался бы роман.

Дядя Илюша и Мариночка разговаривали, а я придумывала про них кино. Как они потом встретились. Случайно? Или он пришел за ней в школу? Или он просто сказал ей «дайте мне ваш телефон», когда я отвернулась? Как она дала ему понять, что он ей понравился? Использовала какой-то хитроумный предлог, как в книгах, например, уронила платок, он поднял, и

их взгляды встретились? Или просто попросила дать почитать книгу, посмотреть кассету? Как это бывает у взрослых? Он специально сказал ей, что женат? Чтобы она сразу знала и согласилась быть только любовницей? А чем эта история закончится?

Иногда в кино есть эпилог, например в «Берегись автомобиля». Если нужно сообщить зрителям о том, что произошло с героями после того, как история закончилась.

А если в эпилоге возникает новый конфликт, завязка нового сюжета, то это многосерийный фильм.

Господи, господи, как я люблю многосерийные фильмы!

Потому что – что такое полтора часа, которые идет обычный фильм? Только начнешь жить жизнью героев, а уже конец. Это неправильно. Я бы хотела быть с героями каждый вечер, долго-долго, от детства до старости. До моей старости! Я люблю «День за днем», «Наши соседи», «Кабачок 13 стульев», как будто они мои родственники. Мама говорит, что я инфантильная, что все это смотрят люди, любопытные к чужой жизни, а нужно жить своей жизнью. Я живу своей жизнью!

Вообще-то я живу своей жизнью, но для родителей. Я все сделаю, я из себя вылезу, чтобы учиться в этой школе, чтобы не опозорить маму с папой!

Ноябрь

Три сестры

29 ноября

– Ты, кило восемьсот! – кричала Алена. – Почему ты?! Мне даже смешно, почему ты!..

– Тебе смешно, а мне обидно, тебе говно, а мне повидло, – хитро улыбнулась Ариша.

Это детское присловье близнецы использовали для ситуаций, в которых каждая боролась за свои интересы.

Девочки родились с разницей в десять минут. Алена – два восемьсот, Ариша – кило восемьсот, и те десять минут, которые Алена уже орала и требовала, а Ариша провела в утробе, стали подтверждением Алениного главенства навсегда. Влюбленный в Аришу Виталик Ростов однажды сказал: «Килограмм младенческого веса не может быть – пардон за дешевый каламбур – самым весомым аргументом в спорах. Борись за свои гражданские права, Ариша!» Здесь, как в каждой шутке, была только доля шутки, – Виталик обижался на Алену, ему казалось, что Аришина уступчивость принижает его самого и вместе с Аришей ставит его на второе после Алены место, а изредка, не часто, и самой Арише надоедала ее уступчивость. Алена мгновенно, как чувствительный прибор, регистрировала бунт в самом его зародыше, воспринимая любое несогласие как покушение на свою полную над Аришей власть, и между девочками происходили бурные короткие ссоры, всегда по одному и тому же сценарию. Алена требовала, Ариша огрызалась, Алена наступала, Ариша отползала в сторону – психологически, конечно, отползала, например закрывала лицо руками и оттуда испуганно выглядывала, но не сдавалась. Алена какими-то своими способами выуживала ее из психологического укрытия – шантажировала своей любовью, пугала, убеждала, что в Аришиних же интересах уступить, а убедив, утешала, жалела, обнимала, покачивала на груди, наслаждаясь тем, что Ариша снова в ее власти, и... А что еще? Все. Алена, конечно, вела себя как хитроумный тиран, как всякий тиран, уверяла, что тиранит окружающих якобы ради их пользы, хотела Аришиной любви до последнего, до полного погружения, но близнецы – это особая материя, и общепринятые моральные нормы здесь ни при чем. Ссора обычно занимала минут пятнадцать-шестнадцать, не больше.

Сейчас все происходило не по сценарию. Близнецы упоенно ссорились уже час без всяких признаков того, что Ариша собирается уступить. «Я, я!..» – возмущенно кричала поторявшая терпение Алена, возвышаясь над сгорбившейся на кровати Аришей. Нина в споре не участвовала.

Девочки занимали две смежные комнаты. В спальне вплотную друг к другу стояли две кровати, Аленина и Аришина, и Нинин диван. В смежной комнате, которую в шутку называли «классной», как в институте для благородных девиц, стоял секретер, в первый же день Нинино пребывания у Смирновых разделенный на троих, – в нем давно уже все смешалось, Аленины записки от мальчиков, Аришины листочки с переписанными из книг стихами, Нинины школьные тетрадки, – и круглый стол, за которым все трое делали уроки. Сейчас Нина за ним готовилась к контрольной по химии, прикрыв глаза, повторяла про себя: «Серная кислота взаимодействует с металлами, стоящими в ряду напряжений до водорода...»

– Ну, Алена, пожалуйста... Мне это правда важно... Почему всегда ты?! Нина, скажи ей!.. Нина, ну скажи ты ей!.. – продолжала защищаться Ариша, и Алена энергично махнула рукой в Нинину сторону, что означало «попробуй только!».

Нина встрепенулась – звонок.

– Пришел, чего сидите, – бросив ручку на недописанном « $4\text{Zn} + 5\text{H}_2\text{SO}_4 = 4\text{ZnSO}_4 + \dots$ », сказала она.

Было семь часов вечера, а Он никогда не появлялся дома раньше десяти. Почему Он так рано пришел, что случилось?

– У лифта кот сидит, дать ему колбасы, что ли?.. Где все? – спросил Андрей Петрович, отряхивая снег.

Снегопад был такой сильный, что за несколько секунд, пока он шел от машины к подъезду, ондатровая шапка успела превратиться в снежный ком.

В семье Смирновых была милая традиция: каждый вечер, если, конечно, Смирнов не возвращался слишком поздно, семья встречала его, выстроившись в прихожей, и уже через несколько секунд после того, как он входил в дом, Смирновы представляли собой чудную скульптурную группу в стиле соцреализма: Ольга Алексеевна, красивая, царственно медлительная, с тапочками мужа в руках, Смирнов с плывущими от нежности глазами, на нем девочки, – Алена бросалась на отца с разбега, как будто брала штурмом гору, облепляла его руками и ногами, Ариша струилась в его руках нежным ручейком. Все – и Нина. Нине, конечно, невероятно, нечеловечески повезло: она могла бы быть воспитанницей подмосковного детского дома, а она была дочкой секретаря райкома, третьей сестрой Смирновой.

Прошло шесть лет с той ночи, когда Ольга Алексеевна привезла одиннадцатилетнюю Нину домой и, уложив ее спать, металась в ночных страшных мыслях, перечисляла одно за другим, почему она поступила неправильно, почему никак нельзя было Нину удочерять. Три причины, три: возможный наследственный алкоголизм – раз; будущие претензии на жилплощадь – два; откроется то, страшное, и тогда Андрею Петровичу конец – три.

...Раз, два, три... Но за шесть лет Нина не зашла и никаких иных наследственно плохих качеств не обнаружила, о будущей ее претензии на жилплощадь уже как-то вообще не думалось, а ее опасное родство совершенно точно было погребено в прошлом. Ольга Алексеевна с Нининым присутствием в своей жизни свыклась, смирилась. Мгновенное, в обход всех препятствий, официальное удочерение сыграло в этом не последнюю роль, официальная, без сомнительных нюансов, однозначность Нинино положения – дочь – исподволь оказала на отношение к ней Ольги Алексеевны то же влияние, какое оказывает на живущую вместе пару штамп о браке в паспорте – казалось бы, какая разница, есть штамп или нет, но всем известно, что разница все же есть.

Личное дело Нины сгорело в школьном пожаре. Пожар сопровождался такими драматическими обстоятельствами – Аленин ожог, сгоревшее школьное знамя, что никто не заострил внимания на главном вопросе: а зачем, собственно, Алена слевой оказались вечером в кабинете завуча?! Гораздо проще было рассуждать о причине пожара, хотя и тут все молчаливо сошлись на самом простом – «дети играли со спичками». А как именно «играли» – курили, казнили знамя или еще как-нибудь шалили – неважно. И уж тем более никто не заподозрил, что дети жгли не понравившиеся им документы.

Никто не связал исчезновение Нинино личного дела с пожаром, личное дело, сожженное Аленой, восстановили. Но если в старом личном деле настоящая фамилия Нины была зачеркнута и сверху написано «Смирнова», – вот такая простодушная небрежность органов опеки, – то новое выглядело безупречно: Смирнова Нина Андреевна, мать Смирнова Ольга Алексеевна, отец Смирнов Андрей Петрович.

Ольга Алексеевна радовалась – это было окончательное замечание всех следов, отыскать связь между Смирновыми и Нининым прошлым теперь невозможно, да и было ли оно, это прошлое, а может быть, просто приснилось?.. Все способствовало всеобщему благодушию, благочинности, благолепию, как говорила Ариша – «мир, дружба, жвачка».

И главное – все к Нине привыкли, она заняла свое место в семейном обиходе, стала неотъемлемой частью «всех». Вместе со всеми встречала Андрея Петровича, всегда стояла в

отдалении, не приближаясь, глядела на него и немного в сторону – чтобы не навязываться, чтобы он не подумал, что она нагло претендует на его внимание наравне с родными дочерьми.

– Где все? – готовясь рассердиться, переспросил Андрей Петрович.

Как хорошо было, когда девочки были маленькие! «А что вы сегодня по музыке выучили?» – спрашивал Андрей Петрович, и Ольга Алексеевна в ответ тоном успешного дрсировщика: «А сейчас девочки тебе сыграют», и те, как послушные котята, радостно мяукали: «Мяу, мяу, пусик, сыграем!», и Смирновы пили чай под Аленины и Аришины по очереди этюды Черни, и было им счастье...

Встречать отца, собираться всем вместе за вечерним чаем, музицировать, даже если это всего лишь этюды Черни из первой тетради, – напоминает и о дворянском размеренном быте, и о крестьянском – отец пришел, кормилец. В общем, куда как мило.

Теперь же все чаще нарушался прежний милый порядок. Смирнов все позже приходил с работы, и как назло, в те редкие вечера, когда Смирнов возвращался с работы рано – «рано» было около десяти вечера, Алены с Аришей не было дома. Обе легко нарушали строго-настрого декларированное «после восьми из дома ни ногой», причем делали это совершенно в той же манере, в какой прежде кидались к отцу: Алена с разбега, – крикнув «ухожу!», Ариша, просачиваясь ручейком, – «мамочка, я на минутку».

Смирнов вообще-то не разрешал!.. Не разрешал, не позволял, не велел вывесить на доске объявлений изменение в приказе по внутреннему распорядку в своем доме!.. Не застав дочерей, Смирнов мрачнел, кидал на Ольгу Алексеевну требовательный, страшно звероватый взгляд – *где?*.. Ольга Алексеевна, не оправдываясь – не царское это дело – оправдываться, – неторопливо, с достоинством лгала: «Девочки делают уроки у Тани Кутельман».

С Андреем Петровичем у Ольги Алексеевны была своя тактика – не волновать, не обострять, не жаловаться, смягчать, замалчивать, проще говоря, ее тактика была такая же, как у миллиона женщин, имеющих обычных, не номенклатурных мужей, – от благородного намерения «скрывать все, что может его расстроить» до лукавого «на всякий случай скрывать *все*». Ольга Алексеевна немного стеснялась перед собой, немного сердилась – не на мужа, а так, в воздух, – ей, одному из лучших преподавателей кафедры марксизма-ленинизма, доценту, известному своей строгостью всему институту, приходится выкручиваться и лгать!..

А что можно поделаться с семнадцатилетней Аленой с темпераментом, как у питбуля? Или как у бойцовского петуха. Или как у юных героев революции, не дай ей бог, конечно. На любое «куда идешь?» и «когда придешь?» Алена сверкала глазами так, что искры летели, – «у меня своя жизнь!», и даже интерес к себе, не контроль, а интерес, воспринимала как покушение на свою драгоценную независимость.

А что можно поделаться с нежной хитрюлей Аришей? Между прочим, Ариша ничуть не более легкая выросла девочка, тихая-нежная, но все время что-то прятала, еле слышно шептала-секретничала по телефону, и упорства в характере не меньше, чем у Алены, утекала к своим «несчастеньким», как вода между пальцами... Следуя мудрому правилу «хочешь сохранить лицо, сохранить видимость власти – не нарывайся», Ольга Алексеевна предпочитала не давать девочкам повода напрямую ее послушаться, старалась с Аленой не ссориться, Аришу не обижать.

Но конечно, было очень беспокойно. У девочек уже была своя жизнь, у Ариши «несчастенькие», у Алены... О-о, у Алены, как подозревала Ольга Алексеевна, «своей жизни» было без меры. Если Аришиных «несчастеньких» она могла назвать поименно, то Аленина «своя жизнь» была для нее тайной за семью печатями. И как ни странно, в семейное устройство лучше родных дочерей вписывалась Нина. С неизменностью кукушки из настенных часов Нина выходила встретить Андрея Петровича, стояла у двери, в зависимости от его настроения отвечая на его взгляд то улыбкой, то просто взглядом «я на месте». Нина выполняла все требования Андрея Петровича беспрекословно, как новобранец, она жила в чужой семье и *подчинялась*

правилам, ей и в голову не приходило, что можно не подчиниться. Самой Ольге Алексеевне тоже не приходило в голову, что и Нина может доставить ей неприятности, не только девочки, может создать хоть какой-то, самый крошечный дискомфорт, к примеру, как девочки, опоздать, забыть, придумать сто тысяч оправданий. В сущности, Ольга Алексеевна чувствовала то же, что и ее приемная дочь: Нина живет в чужой семье и должна подчиняться правилам.

Лгать Ольге Алексеевне приходилось часто и разнообразно, иногда она пользовалась предложением учебы – «завтра контрольная, сочинение, много уроков, девочки у Тани, девочки у Левы», а иногда она отправляла девочек «в театр». Алена с Аришей пропадали у Виталика, Ариша нервно звонила – «еще десять минут», «еще пять...». И Ольга Алексеевна вступала с Аришей в преступный сговор – «больше не звони, просто будьте дома в двенадцать», – чтобы Андрей Петрович не удивлялся, что это у девочек за театр такой, из которого они каждые десять минут звонят.

Но все-таки в невозмутимой лжи этой холодной красавицы было кое-что, отличное от вранья миллионов жен, скрывающих от мужей все, чтобы *не нарваться*. Ольга Алексеевна лгала на научных основаниях, она четко знала признаки революционной ситуации – «низы не хотят жить по-старому, верхи не могут управлять по-старому», – а революционной ситуации в доме не хотелось. Она решила мудро: пусть каждый думает то, что ему приятней, верхи – что управляют по-старому, низы – что живут по-новому, а она останется в самой что ни есть объективной реальности, – ни за что Андрея Петровича ничем не расстроит. А кроме того – Ольга Алексеевна никогда не призналась бы себе в этом – но ей нравилось лгать, нравилось играть в патриархат, нравился их семейный стиль – муж сильный, а она слабая и подстраивается. Властность Смирнова, его мгновенное бешенство были для нее чем-то очень сексуально привлекательным, и ложь была еще одним признаком ее покорности его завораживающей мужской силе.

Так или иначе, в доме сложилась забавно противоречивая ситуация: будучи почти что номинальной фигурой, Андрей Петрович считал, что все бразды правления у него, был убежден, что держит девочек очень строго, а девочки при этом пользовались полной свободой.

– Алена дома, и Ариша дома, – успокаивающе произнесла Ольга Алексеевна, подавая мужу тапочки, мельком погладив его по отекавшей к вечеру щиколотке.

– Надо же, дома... – пробурчал Андрей Петрович, – а то я уже привык: одна «у Тани», другая «у соседки»... У одной, понимаешь, лучшая подруга Кутельман, у другой – старая барыня на вате через жопу ридикюль...

Ольга Алексеевна промолчала. Как она могла запретить Алене дружить с Таней Кутельман?.. Что лучшая подруга дочери – еврейка, конечно, плохо. Но все-таки она девочка из профессорской семьи. Ольга Алексеевна эту дружбу защищала: Таня – хорошая девочка, как все еврейские дети, домашняя, начитанная.

– Начитанная-переначитанная, а на хрена? – ответил на это Смирнов, выразив простыми словами сложную мысль, и она поняла его с полуслова, как всегда. Эта излишняя еврейская начитанность, эта нервическая еврейская любовь к культуре и литературе, эта излишняя еврейская утонченность, образованность – не нужно это Алене. Это евреям нужно любить, доказывать, добиваться, знать, а Алене и без того принадлежит все, принадлежит по праву. И Арише, разумеется.

Кстати, именно Таня окрестила Аришиных подопечных «несчастненькими», что-то, кажется, из Голсуорси...

Старая барыня на вате, главная из Аришиных «несчастненьких», жила в их же подъезде на первом этаже. 9 мая Ариша зашла поздравить ее с Днем Победы как блокадницу, но вместо того чтобы просто преподнести открытку и тюльпан, задержалась у нее до позднего вечера... и начала ходить к ней, как на работу. На осторожное неодобрение Ольги Алексеевны – невозможно взять шефство над всеми блокадниками района, есть ведь и своя жизнь,

учеба, – Аришино тонкое личико горестно скривилось: «Мусик, у нее все в блокаду умерли, она такая одинокая, весь день сидит в старом кресле с красными бусинками...» Ольга Алексеевна сама чуть не расплакалась. Не из-за чужой женщины, а из-за Ариши. Как она будет жить с такой тонкой кожей, со слезами, каждую минуту готовыми пролиться из-за других, чужих?... Дальше – больше. Ариша ускользала в коммуналку на первом этаже каждую свободную минуту под странными предлогами, – зачем, к примеру, старушке-блокаднице поздно вечером срочно понадобилось прочитать «Ленинградскую правду»?.. Желание взять под крыло всех несчастеньких, которые попадались на ее пути, уже начинало беспокоить всерьез.

...Андрей Петрович направился в кабинет мимо стоящей у комнаты девочек, как солдатик в карауле, Нины и вдруг, с размаха стукнув кулаком в закрытую дверь, рывкнул ей в лицо: – А им что, жопу не поднять отца встретить?!

Нина вздрогнула, рефлекторно сглотнула, вжалась в стенку. Она почти не испугалась – она ведь ни в чем не провинилась, ей досталось как бы по доверенности за девочек. Он нервничает. Хочет, чтобы у него дома было так, как он хочет. У него неприятности. Бедный. Все его боятся, все чего-то от него хотят, а кто его пожалеет? На работе его все называют Хозяином, а он – бедный.

У Смирнова было два заместителя, два вторых секретаря, отвечающих один за экономику, другой за идеологию, обоих называли одинаково – зам Смирнова или второй, но самого Смирнова за глаза никто не называл первым секретарем или Андреем Петровичем. В Петроградском районе Смирнова называли Хозяин или Сам, а в райкоме никак не называли, просто обозначали жестом – поднимали указательный палец кверху, показывая на небо, словно Смирнов восседал на небе вместе или вместо Зевса-громовержца. Он и дома был Хозяин: приласкать, потом заорать, приласкать и опять вскипеть.

Матом он при девочках и Ольге Алексеевне никогда не ругался, но какая-нибудь «едрена мать» – запросто, а уж «жопа» и вовсе была его любимым словом на все случаи жизни. Ольге Алексеевне так и не удалось ему объяснить, что это не обычное слово, а грубое.

«А что же мне, «попа» говорить, как пидорасу?» – удивлялся Андрей Петрович. Он в полном соответствии с анекдотом «Что же, жопа есть, а слова нет?» искренне считал, что эта часть тела называется жопа, и даже близнецам, своим нежным цветочкам, на слишком вычурное, по его мнению, украшение мог сказать «ты еще перо в жопу вставь».

Но ведь дело не в словах, тон делает музыку. Раньше, до Алениного ожога, Смирнов никогда не раздражался всерьез, и в самом грозном оре тон был нежным, но теперь все чаще в его крике была не затаенная нежность, а самые обычные раздражение и обида. Не то чтобы Андрей Петрович изменился – как может измениться давно достигший своей конечной формы человек? Но до Алениного ожога было одно, а после ожога совершенно другое. Прежде он был как бы един в двух лицах: на работе жесткий, грубый, для девочек расплывающийся от нежности, а стал для всех одинаковый – один в одном лице.

– Можно накрывать на стол? – спросила Нина.

Она вовсе не была в семье Золушкой. Ольга Алексеевна не допускала никакого неравенства, домашние обязанности были честно поделены на троих девочек, но близнецы постоянно нарушали заведенные правила, а Нина нет. Алена нетерпеливо говорила «сейчас-сейчас», Ариша говорила «потом», и получалось, что из всех троих Нина, по выражению Смирнова, первая доставала руки.

– Сейчас переоденется, и придем... – кивнула Ольга Алексеевна.

У Ольги Алексеевны с русским языком были особые отношения. Ее речь, пусть суховатая, не вполне эмоционально окрашенная, была идеально, по-книжному правильной. Она не пользовалась вульгаризмами, не пользовалась даже пограничными, допускаемыми литературными нормами выражениями и считала «плохими» самые невинные слова, например

«морда», – нужно говорить «ударить по лицу», а не «дать по морде». Ну, и конечно, любые слова, обозначающие сексуальные действия и желания, были неприемлемы. В целом ее речь могла бы послужить доказательством суждению поэта, чьи запрещенные стихи Алена хранила в тайном месте под батареей, – суждению о русском языке как о языке описательном, пури-танском, ставящем эмоциональный барьер между словами и явлениями. Это было тем более удивительно, что Ольга Алексеевна была человеком решительным и жестким – в действиях, а в языке, напротив, предпочитала завуалированно описать, нежели четко обозначить.

Студенты знают, что у каждого «препа» свой конек, кто-то не любит коротких юбок, кто-то, наоборот, любит, и так далее. У Ольги Алексеевны, доцента кафедры марксизма-ленинизма Технологического института имени Ленсовета, было два конька – даты и грамотная речь. Она гоняла студентов по датам съездов и постановлений и чрезвычайно строго относилась к речи студентов, поправляла, могла даже понизить оценку за речевые недочеты. Студенты обычно дают таким придирчивым преподавателям злые прозвища, и Ольге Алексеевне по справедливости подошло бы любое – «мегера», «карга», «зануда», но у нее прозвищ не было, красивым женщинам прозвищ не дают, а Ольга Алексеевна в свои чуть за сорок была красива и величава, как царевна-лебедь.

Ну, а дома звучало «жопа с ручкой», «козлина», «мудила»... бесконечно. В том, что Ольга Алексеевна мирилась с простонародными языковыми привычками и отчасти даже умилялась, наверное, сильнее всего проявлялась ее любовь к мужу.

... – Сейчас переоденется, и придем...

...Но как человек с безусловно грамотной, даже излишне правильной лекторской речью может произнести такую странную, несогласованную фразу «переоденется, и придем»?

Тайная подоплека Нининого удочерения на удивление четко отразилась в домашней речевой стилистике. Нина никак к своим приемным родителям не обращалась, ни «мама»-«папа», ни «тетя»-«дядя», ни по имени, никак. Называть Смирновых тетей и дядей ей не разрешили, мамой и папой не предложили, а подумать о том, чтобы назвать Ольгу Алексеевну и Андрея Петровича мусиком и пусиком, как девочки, мог только умственно отсталый.

Но ведь это что такое, когда никак не называешь – человека, предмет, явление? Некоторые племена никак не называли свое божество – тот, кого нельзя назвать, внушает огромный страх, мистический ужас. А в современном контексте это означает отверженность: человек, никак не называющий своего собеседника, подсознательно не считает себя состоящим с ним в каких-либо отношениях. Получается, у Нины была психологическая травма, которая не снилась и Фрейду.

Но Нина об этом, конечно, не думала, не сожалела, не страдала, просто жила с тем, что есть. В начале своей жизни у Смирновых могла простодушно сказать «где у вас ножницы?» или «у вас красиво», но в ответ встречала напряженный взгляд Ольги Алексеевны. Никто не должен интересоваться Нининым прошлым, она Смирнова, и точка; по глубокому убеждению Ольги Алексеевны, люди будут молчать о том, о чем им велено молчать... Сказать посторонним «у нас дома» Нина могла, хотя всегда ощущала при этом мгновенный внутренний укол, а вот сказать дома «у нас», «наше», «у нас красиво» или «наша машина» – нет. Не выговаривалось.

Нина не говорила «у нас», не обращалась к своим приемным родителям ни на «ты», ни на «вы» и в этой своей тактичности достигла такой лингвистической изошренности, что почти любое содержание могла выразить в безличной форме. «Пить чай?» – спрашивала Нина, кивая в сторону кабинета, – имелось в виду, будет ли Андрей Петрович пить чай. Ольга Алексеевна отвечала ей в той же манере неопределенности: «Сейчас придет». Обоюдные грамматические ухищрения помогали избегать опасных определений, кто кому кто.

...Надо сказать, Ольга Алексеевна блестяще преуспела в своем насилии над действительностью. Когда она запретила девочкам хоть словом упоминать, что Нина приемная, Алена насмешливо поинтересовалась: «А как же люди?..» «Это неважно», – ответила Ольга Алек-

сеевна. Как историк партии она знала: пусть думают что угодно, во что велено, в то и будут *искренне* верить. Самой Нине, конечно, этот запрет «никогда-никому-ни-слова» вышел боком, *большим боком*, из-за этого она ни с кем близко не дружила. А как дружить? Все знают, что ее удочерили – не родилась же она в семье Смирновых одиннадцатилетней, но в разговоре с ребятами ей невозможно было сказать «мама», «папа», приходилось ловчить, изобретать разные формы и, главное, говорить о том, кто она и откуда, – нельзя. Есть же вещи, о которых не говорят: что люди ходят в туалет или откуда берутся дети. Кто она и откуда – было из того же разряда, из стыдного.

...Девочки вошли в кухню и, встав по обеим сторонам от стула Андрея Петровича, принялись взывать к отцу, как малышки-детсадовки.

– Пусик, почему Ариша?! Я пойду в «Европейскую»! Там девочка из Манчестера!..

– Пу-усик, ну почему всегда Але-ена?..

Алена вытаращила глаза, пихнула Аришу локтем – нет, я!

Андрей Петрович посмотрел в одну точку, куда-то между Аленой и Аришей, и распорядился:

– Доложить по порядку. При чем тут «Европейская», при чем тут девочка из Манчестера... В огороде бузина, а в Киеве дядька...

Аленина-Аришина учительница английского работала по совместительству в Доме дружбы, мечтала перейти туда на полную ставку, и программа «Ленинград – Манчестер» была ее дебютом. Девочка из Манчестера была при том, что в рамках программы выиграла на конкурсе русского языка поездку в Ленинград с проживанием в лучшей гостинице Ленинграда – «Европейской». Девочка два дня не выходила из номера. Роскошь и декадентская атмосфера «Европейской» так подействовали на девочку из рабочего города Манчестера, что переводчица не смогла даже вытащить ее из номера на завтрак в ресторан. Учительница английского была в панике – девочке срочно требовалась русская подружка, которая привела бы ее в чувство и заставила ездить на экскурсии по программе, а иначе – международный скандал и по меньшей мере увольнение учительницы из Дома дружбы. Подружка нужна была уже завтра, но не может же стать компаньонкой английской девочки первая попавшаяся непроверенная школьница! А вот дочери первого секретаря райкома могут! Их отец – это как бы гарантия их качества, заменяющая утверждение кандидатуры в райкоме.

Учительница выбирала между Аленой и Аришей – обе девочки собираются на филфак, английский у обеих блестящий, – и выбрала Аришу. Ариша с ее природной склонностью опекать будет лучше чересчур красивой и бойкой Алены, которая сама достаточный стресс для робкой английской девочки.

– Все ясно. Алена, перестань кланяться! Учительница отвечает за программу, она выбрала Аришу, ты должна уважать ее выбор, тут двух мнений быть не может. Человек должен уметь адекватно оценивать обстоятельства и себя в этих обстоятельствах, – подытожила Ольга Алексеевна.

– Олюшонок, сдуй трибуну, – проворчал Андрей Петрович.

Андрей Петрович, поймав ее на преподавательских интонациях, говорил, что она общается с девочками как со своими студентами, что она изменилась. Ольга Алексеевна обижалась, ей казалось, что то, что по-научному называется «профессиональная деформация», не имеет к ней отношения, что она всегда была такая, как сейчас, словно река – течет, и десять лет назад текла, и двадцать.

– Нет, я пойду, пусик, я, я!.. Пусик, ты что, не слушаешь?! – упрямо начала Алена, и Нина, не проронившая за все это время ни слова, посмотрела на нее сердито – зачем она пристает, неужели не видит?! Неужели не видит, как ему плохо?.. Случилось что-то очень пло-

хое. Бедный, никто его не пожалеет, девочкам от него всегда что-то нужно: внимание, деньги, новые тряпки...

– Алена, давай чуть позже, пусть пусик придет в себя. – Ольга Алексеевна подошла к мужу, прижала его голову к груди, начала поглаживать, медленно массируя голову, шею, привычно тревожно отметив про себя: тяжелый затылок, плотная красная шея, апоплексическое сложение, риск инсульта... – Мы будем в кабинете. Нина, проследи, чтобы девочки нам не мешали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.